

К.Е. Морозов

Секс, согласие и моральные обязательства

Аннотация: В современных дебатах о сексуальной этике доминирует подход, ориентированный на согласие, — консенсуализм. Эта позиция хорошо объясняет аморальность таких действий, как изнасилование, педофилия, зоофилия и некрофилия. Однако консенсуализм сталкивается с трудностями, когда речь заходит о супружеской измене или передаче ВИЧ. Эта статья анализирует такие неприобретенные моральные обязательства не заниматься сексом по взаимному согласию. Для объяснения и обоснования этих обязательств предлагается подход нового естественного закона. Эта позиция придает центральное значение в оценке сексуальных действий тому, направлены ли они на достижение какого-либо общего блага и не наносят ли они вред какому-либо другому благу. Как будет показано, новый естественный закон позволяет преодолеть трудности консенсуализма и обосновать неприобретенные обязательства в сексуальной этике. И если этот подход будет сочетаться с плюралистичным взглядом на блага, которые реализуются в сексе, то новый естественный закон не допускает консервативных выводов о сексуальной морали, свойственных теории старого естественного закона.

Ключевые слова: согласие, сексуальная этика, естественный закон, супружеская измена, ВИЧ, моральное обязательство, благо, вред.

K.E. Morozov. Sex, Consent, and Moral Obligations

Abstract: Contemporary debates about sexual ethics are dominated by a consent-oriented approach—consensualism. This position well explains the immorality of such acts as rape, pedophilia, bestiality and necrophilia. However, consensualism faces difficulties when it comes to adultery or HIV transmission. This article analyzes such unacquired moral obligations not to engage in consensual sex. A new natural law approach is

proposed to explain and justify these obligations. This position places central importance in the evaluation of sexual acts on whether they are aimed at achieving some common good and whether they harm some other good. As will be shown, the new natural law overcomes the difficulties of consensualism and grounds unacquired obligations in sexual ethics. And if this approach is combined with a pluralistic view of the goods that are realized in sex, then the new natural law does not allow the conservative conclusions about sexual morality inherent in the theory of the old natural law.

Keywords: consent, sexual ethics, natural law, adultery, HIV, moral obligation, good, harm.

Согласие играет центральную роль в современных дебатах о сексуальной этике [Ichikawa 2020: 7]. Мейнстримной позицией в этих обсуждениях можно назвать «теорию согласия», или консенсуализм, — позицию, согласно которой согласие является необходимым и достаточным условием моральной приемлемости какой-либо сексуальной активности. Каноничные формулировки консенсуализма принадлежат Дэвиду Арчарду, Игорю Приморатцу, Алану Вертхеймеру и Томасу Догерти [Archard 1998; Primoratz 2001; Wertheimer 2003; Dougherty 2015]. На первый взгляд, консенсуализм является простым выражением морального здравого смысла, поскольку отсутствие согласия является наиболее интуитивным объяснением моральной неприемлемости таких аморальных актов, как изнасилование, педофилия, зоофилия и некрофилия. Однако консенсуалистам сложнее объяснить, что морально неправильного в некоторых других формах секса, которые моральный здравый смысл распознает как морально проблематичные [Ichikawa 2020; Brogaard 2022; Woodard 2022].

Цель этой статьи — продемонстрировать, что консенсуализм неверно толкует роль согласия в сексуальной этике. Сначала будет рассмотрен консенсуализм и те моральные предпосылки, на которые он опирается, в противопоставлении более традиционным подходам к сексуальной этике. Затем будут рассмотрены два контрпримера, которые создают затруднения для стандартной

консенсуалистской позиции. После будет описан альтернативный подход к сексуальной этике, который учитывает серьезный нормативный вес согласия, но придает первостепенный вес понятиям блага и вреда. Как будет продемонстрировано, этот подход избегает затруднений как консенсуализма, так и более традиционных подходов к сексуальной этике.

Консенсуализм и его моральные основы

Консенсуализм основан на том, что иногда называют «моральной магией согласия». Часто согласие — это все, что требуется, чтобы превратить аморальный акт в морально приемлемый. Так, аморально нападать на других людей и избивать их, если только другие люди не дали вам согласие поучаствовать с вами в боксерском поединке. Аморально забирать чужие деньги, если только люди не дали вам согласие на такое изъятие в ходе сделки купли-продажи чего-либо. И точно так же аморально инициировать какое-либо сексуальное взаимодействие с другим лицом, если только это лицо не дало вам согласие на подобные действия. Иными словами, когда наши действия затрагивают других лиц, то согласия нередко достаточно, чтобы радикальным образом преобразить моральный статус наших действий.

Что делает согласие таким особенным? Часто консенсуализм неявно опирается на так называемый принцип самопринадлежности. Эта концепция, чаще всего ассоциируемая с политической философией либертарианства, состоит в том, что у всех людей есть базовое право собственности на свое тело [Russell 2022: 106]. Поэтому понять самопринадлежность можно по аналогии с правами собственности на внеличностное имущество. Право собственности на X означает моральную власть разрешать конфликты между двумя взаимоисключающими способами использования X . Например, право собственности на автомобиль предполагает, что собственник автомобиля является конечной инстанцией в разрешении конфликтов по поводу того, как и с какой целью будет использован автомобиль. Допустим, две сестры хотят использовать

автомобиль своей матери, но одна из дочерей хочет поехать в ресторан на ужин со своими друзьями, а другая — на выставку, которую организует ее коллега по работе. Поскольку их мать является собственницей автомобиля, именно за ней остается последнее слово касательно того, как будет использован автомобиль: может ли его взять старшая дочь или младшая, могут ли они взять его совместно или они вообще не должны пользоваться транспортом своей матери.

Принцип самопринадлежности применяет эту логику к телу человека. Иметь самопринадлежность означает иметь моральную власть запрещать или допускать те или иные способы взаимодействия с собственным телом. Эта идея остается привлекательной, потому что предоставляет простое и теоретически экономное объяснение большинства соображений морального здравого смысла. Людей неправильно убивать, пытаться, калечить, порабощать или насиловать, т.е. нельзя воздействовать на тело человека каким-либо образом, не имея его разрешения. Однако при наличии такого разрешения воздействия на человеческое тело будут оправданы. Согласие превращает избиение в дружеский спарринг, рабство — в трудовой договор, пытку — в мазохистское развлечение, искалечение в медицинскую ампутацию, убийство — в эвтаназию, а изнасилование — в простой секс¹.

Широко распространена философская критика самопринадлежности. Барбара Фрид утверждает, что самопринадлежность остается неопределенной категорией, потому что не дает никаких оснований для разрешения большого перечня вопросов, касающихся межличностных взаимодействий и ответственности [Fried 2003]. Каспер Липперт-Расмуссен отвергает самопринадлежность, потому что ее принятие ведет к выводам, которые противоречат моральному здравому смыслу [Lippert-Rasmussen 2008]. Дэвид Собел критикует самопринадлежность как непоследовательную позицию, поскольку ее корневое обоснование касается защиты человеческой автономии, од-

¹ Уже здесь можно заметить, что чаще всего аморальность каждого из описанных действий не сводится к отсутствию согласия полностью, а включает дополнительные нарушения прав. Это соображение является решающим для аргумента, который построен далее, но на этом этапе мы дистанцируемся от него для простоты описания консенсуалистской позиции.

нако, запрещая целый ряд безвредных и неинвазивных воздействий без согласия, самопринадлежность радикально ограничивает человеческую автономию делать что-либо [Sobel 2012].

Эта критика не осталась без ответа. Питер Валлентайн, Гиллель Штайнер и Майкл Оцука попытались дать самопринадлежности определенное содержание, хотя и допускающее значительную вариативность трактовок самопринадлежности по нескольким критериям [Vallentyne *et al.* 2005]. Джейсон Бреннан и Бас ван дер Воссен отвергают идею, что самопринадлежность предполагает какой-то специфичный тип контринтуитивных моральных ограничений, который признают только политические либертарианцы и приравнивают самопринадлежность к доктрине телесной автономии, которая в том или иной виде разделяется даже теми либеральными теоретиками, которые явно отвергают либертарианскую трактовку самопринадлежности [Brennan, van der Vossenn 2018]. В этом контексте Джон Кристман разделяет «самопринадлежность контроля», которую признают практически все либералы, и «полную самопринадлежность», которую признают только либертарианцы [Christman 1995].

Действительно, чтобы самопринадлежность выражала моральный здравый смысл, она не должна быть слишком строгой. Разные нарушения самопринадлежности имеют разный вес: выдернуть у человека волосок против его воли — это не то же самое, что отрубить человеку руку. Поэтому для того, чтобы отстаивать консенсуализм, достаточно поддержать самопринадлежность контроля, не принимая при этом ряд более специфичных и строгих ограничений, налагаемых либертарианской полной самопринадлежностью.

Консенсуализм, как и самопринадлежность контроля, является довольно новой концепцией для этики. Более традиционный взгляд на сексуальную мораль не придавал решающего значения согласию, рассматривая в качестве центрального критерия моральной приемлемости сексуальной активности ее прокреативный потенциал. Этот подход, связанный с традицией старого естественного закона, сегодня отстаивает меньшинство философов, чаще всего — сторонники христианской этики, такие как Эдвард

Фезер и Тимоти Сяо [Feser 2015; Hsiao 2016]. С позиции старого естественного закона, размножение является естественной функцией секса и поэтому любая сексуальная активность, которая не соответствует этой цели, является аморальной. Именно так теоретики старого естественного закона объясняют аморальность мастурбации, контрацепции, инцеста, педофилии, зоофилии, некрофилии и даже изнасилований¹.

Однако существует обширная критика старого естественного закона и его позиций по сексуальной этике. Стивен Браун утверждает, что приравнение моральной приемлемости к реализации естественных функций допускает натуралистическую ошибку, приводя в качестве контрпримера прослушивание музыки как действие, которое не соответствует естественной функции слуха, но при этом доставляет людям удовольствие и способствует их процветанию [Brown 2006]. Эрик Андерсон подмечает непоследовательность в рассуждениях естественного закона, поскольку эта позиция не осуждает секс в бесплодных парах, хотя прокреативный потенциал такого секса является нулевым и размножение не является его целью [Anderson 2013]². Курт Бланкшен демонстрирует, как из предпосылок старого естественного закона следует более либеральная позиция по сексуальной этике, предлагая рассматривать в качестве естественной функции секса формирование романтической близости, а затем показывает, что прокреация не является единственным способом формирования такой близости [Blankschaen 2020; ср. Arroyo 2022].

¹ Здесь можно заметить, что часть из этих действий имеет прокреативный потенциал, включая инцест и изнасилование. В ответ на это теоретики старого естественного закона могут возразить, что инцест связан с высокими рисками развития генетических аномалий у плода, а в случае изнасилования зачатие происходит вопреки воле одного из участников соития, тогда как морально приемлемый секс предполагает взаимные усилия двух людей ради зачатия новой жизни. Последнее также является обоснованием того, почему теоретики старого естественного закона осуждают любую внебрачную сексуальную активность, включая супружеские измены и добрачный секс.

² Статья Андерсона посвящена критике не старого, а нового естественного закона, теоретики которого тоже утверждают, что моральный статус сексуальной активности зависит от её прокреативного потенциала, но их аргументация не основана на апелляции к естественной функции. Тем не менее общее возражение применимо к обеим версиям теории естественного закона.

В свете теоретических трудностей, с которыми сталкивается позиция старого естественного закона, консенсуализм кажется безальтернативным подходом в сексуальной этике. И хотя по вопросам добрачного секса, мастурбации, контрацепции и, возможно, инцеста консенсуализм расходится с позицией старого естественного закона, теория согласия предоставляет ресурсы для столь же решительного осуждения изнасилований, педофилии, зоофилии, некрофилии¹ и супружеской измены. Однако, как будет продемонстрировано в следующем разделе, консенсуализм оказывается неуспешен в объяснении ряда случаев морально сомнительного сексуального поведения.

Секс и моральные обязательства

Любая теория сексуальной этики должна отвечать на вопрос: «Какие обязательства люди несут друг перед другом в контексте сексуальных отношений?». Консенсуализм устанавливает одно базовое моральное обязательство — не заниматься сексом без согласия. Как было подмечено в прошлом разделе, это объясняет моральную недопустимость целого ряда действий, включая изнасилования и растления детей. Но, на первый взгляд, этого недостаточно, чтобы объяснить моральную недопустимость еще одного парадигмального примера аморального акта из сексуальной этики — супружеской измены.

На первый взгляд, сложно объяснить, в чем проблематичность супружеской измены, если единственное моральное обязательство в отношении секса — не заниматься с кем-либо сексом без его со-

¹ Хотя широко признано, что некрофилия является чем-то подобным изнасилованию, поскольку от мёртвого человека нельзя получить согласие, эта интерпретация не является безальтернативной. Так, хотя Гиллель Штайнер никогда не писал об одобрении некрофилии, его трактовка самопринадлежности предполагает, что люди теряют все права в момент смерти и поэтому их концептуально нельзя изнасиловать [Steiner 1994]. С этой точки зрения, акт некрофилии морально ничем не отличается от мастурбации с использованием неодушевлённого предмета. Хотя, учитывая, что Штайнер признаёт ограниченные моральные привязания родственников на имущество умерших, он мог бы осуждать некрофилию как форму несправедливости в отношении семьи покойного.

гласия. Однако в случае с супружеской изменой тот человек, с которым неверный супруг занимается сексом, дает согласие на это, как и сам неверный супруг. Почему мы тогда вообще осуждаем супружескую измену?

Один из возможных ответов состоит в том, что в вопросах супружеской измены распространенные моральные интуиции ошибочны. Тогда консенсуалисты должны пересмотреть традиционную оценку измены как аморального акта, как они уже сделали это с контрацепцией или добрачным сексом. Например, Гарри Чалмерс утверждает, что исключительные моногамные отношения являются морально неприемлемыми и вместо этого сторонники сексуальной морали, основанной на согласии, должны поддерживать неограниченную полигамию [Chalmers 2019; Chalmers 2022]. Оле Мартин Моен и Александр Серли описывают позицию, которую они называют «анархией отношений», согласно которой моногамные нормы являются обоснованием отношений собственности и доминирования, а потому морально проблематичны и должны быть устранены [Moen, Sørli 2022]. Однако подобная критика моногамии не согласуется с моральным здравым смыслом, к которому обращаются в том числе сторонники «согласованной немоногамии», и проблематична по ряду причин (см.: [York 2020; Kirton, McKeever 2023]).

Другой, более перспективный ответ может быть сформулирован через обращение к исходной моральной основе консенсуализма — принципу самопринадлежности. Согласно этому принципу, изначально люди имеют моральную свободу делать все, что им угодно, за исключением покушений на чужую самопринадлежность. Именно поэтому единственное исходное обязательство в сексуальной этике для сторонников самопринадлежности сводится к воздержанию от секса без согласия. Однако люди могут приобретать новые моральные обязательства, вступая с другими людьми в добровольные соглашения. Например, если я продаю свои услуги в качестве репетитора, то после заключения договора между мною и клиентом я приобретаю обязанность провести определенное количество занятий с моим клиентом. Изначально я не обязан ни перед кем подобной образовательной активностью,

но, вступив в договор с клиентом, я добровольно беру на себя новые обязательства, которых изначально у меня не было.

Это не нарушает мою самопринадлежность, поскольку право собственности включает в себя права отказаться временно или навсегда от части или всех прав на объект собственности. Так, возвращаясь к примеру с автомобилем, собственница может отказаться от своих прав пользоваться транспортом, чтобы предоставить его в распоряжение одной из своих дочерей. Она может и полностью отказаться от всех прав на автомобиль, подарив его одной из дочерей или продав кому-то еще. Аналогично и самопринадлежность дает людям право отказываться временно или навсегда от части или всех своих прав, включая свои права-свободы выполнять определенные действия¹.

Таким образом, консенсуалисты могут поддержать традиционное осуждение супружеской измены на том основании, что вступление в брак (или в любые романтические отношения) предполагает добровольное взятие на себя обязательства воздерживаться от секса с кем-либо, кто не является его супругом или партнером. Следовательно, консенсуализм совместим с широким перечнем моральных обязательств в сексуальной этике, когда люди добровольно берут на себя эти обязательства. «Моральная магия согласия» работает здесь в обе стороны: как она превращает аморальный акт в моральный, так же она способна и превратить морально приемлемый акт в неприемлемый.

Соответственно, консенсуализм в сексуальной этике устанавливает два типа моральных обязательств: приобретенные и неприобретенные. К первым относятся любые обязательства, которые на себя берут сами люди в результате каких-либо обещаний или соглашений. Ко вторым консенсуалисты относят только одно обязательство — не заниматься сексом без согласия.

¹ Вопрос о том, допускает ли самопринадлежность отказ от *всех* прав, остаётся спорным. Некоторые сторонники самопринадлежности, как Роберт Нозик или Стивен Кершнар, поддерживают право на добровольную продажу самого себя в рабство [Нозик 2008: 403–404; Kershnar 2003]. Другие сторонники самопринадлежности, как Джеймс Грюнебаум, отрицают подобное право, ссылаясь на тот факт, что главной целью самопринадлежности является защита автономии, а добровольное рабство лишает человека любой автономии [Grunebaum 2000].

Неприобретенные обязательства не заниматься сексом по согласию

Несмотря на моральную привлекательность консенсуализма, эта позиция сталкивается с рядом трудностей. Одной из таких является невозможность обосновать наличие неприобретенных обязательств не заниматься сексом по согласию. Как мы увидели ранее, эта теория оправдывает либо неприобретенное обязательство не заниматься сексом без согласия, либо приобретенные обязательства не заниматься сексом по согласию. Поэтому если у людей есть такие обязательства воздерживаться от сексуальной активности по взаимному согласию, которые они не брали на себя добровольно, то это создаст проблемы для консенсуализма. Но как бы мы могли представить себе обязательства такого рода? Хотя их перечень может быть достаточно широким, здесь мы ограничимся всего двумя из них — обязательство не участвовать в супружеской измене и обязательство не участвовать в заражении вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ)¹.

Обязательство не участвовать в супружеской измене здесь не означает то же самое обязательство не изменять своему супругу или партнеру, которое обсуждалось выше. Потому что второе обязательство, как было отмечено, добровольно берется каждым, кто вступает в романтические отношения. Однако первое обязательство не является таковым. Речь идет об обязанности, которую несет человек, с которым неверный супруг вступает в интимную близость. Этот человек, если для него данный половой акт сам не является изменой его партнеру, не давал никаких обещаний кому-либо воздерживаться от близости по взаимному согласию. Часто его не связывают никакие особые отношения и обязательства с тем супругом, которому изменяет его сексуальный партнер. Поэтому мы не можем сказать, что та же самая «моральная магия согласия», которая делает измену аморальной для неверного супруга, делает этот секс аморальным и для того, с кем этот супруг изменяет.

¹ ВИЧ является наиболее показательным примером, потому что в отсутствие АРВ-терапии ВИЧ может привести к СПИДу, что делает заражение ВИЧ потенциально смертельно опасным. Однако всё, что будет сказано далее в контексте ВИЧ, применимо и к любой другой инфекции, передающейся половым путём.

Обязательство не участвовать в заражении ВИЧ имеет схожий характер. ВИЧ-положительный человек не давал никаких обещаний и не вступал ни в какие договоренности, которые ограничивали бы его в свободе вступать в сексуальную близость с кем-либо по взаимному согласию. Но это не значит, что он не несет никаких обязательств воздерживаться от сексуальной близости с другими людьми. Ведь, вступая в такую близость, он подвергает других людей риску передачи ВИЧ, тем самым потенциально нанося серьезный вред их жизни, здоровью и благополучию. И в том, и в этом случае, как кажется, люди несут неприобретенное обязательство не заниматься сексом по согласию.

Сторонники теории согласия могли бы попытаться возразить, что в каждом из этих случаях либо нет подлинного морального обязательства, либо оно укладывается в парадигму классической теории согласия. В отношении участия в супружеской измене консенсуалисты могли бы ответить, что тот сексуальный партнер, который не состоит в браке или отношениях, не нарушает никакого обязательства. Иными словами, только неверный супруг нарушает обязательство и совершает что-то морально неправильное, тогда как его сексуальный партнер в моральном смысле не несет ответственности за какой-либо аморальный акт.

Мы могли бы отвергнуть это возражение с помощью контр-примера, не связанного с сексуальной этикой напрямую. Представим, например, торговца оружием. Возможно, в его роде деятельности нет ничего самого по себе морально проблематичного, потому что оружие, которое он продает, может использоваться для морально приемлемых целей, таких как самооборона, коллекционирование или досуг. Однако оружие, которое он продает, может использоваться и для морально неприемлемых целей, таких как убийства, грабежи или теракты. И в том случае, если торговец оружием заведомо знает, что его клиенты хотят использовать купленное оружие для совершения морально неправильных действий, то участие в сделке с ними будет для него аморально. И это так, несмотря на тот факт, что торговец оружием напрямую не принимает никакого участия в совершении его клиентами аморальных действий. Хотя он не участвует напрямую, его действия делают

возможным совершение аморальных актов, а поэтому он несет, по крайней мере, частичную ответственность за наступление тех последствий, которые он мог предотвратить.

Ситуация участия в измене схожа со случаем торговца оружием. Ведь и в том, и в другом случае аморальность действий состоит в том, что они делают возможным нарушение моральных обязательств кем-то другим. Клиенты торговца оружием не могли бы совершить свои преступления, если бы им не продали оружие, а неверный супруг не мог бы изменить, если бы его партнер не согласился вступить с ним в близость. Конечно, и в том, и в другом случае у клиентов торговца и неверного супруга были бы альтернативные возможности для исполнения своих намерений. Клиенты могли бы найти другого торговца оружием, а неверный супруг мог бы найти себе нового партнера. Но из этого не следует, что содействие кому-то в исполнении его морально сомнительных намерений не является аморальным или проблематичным. Ведь если бы это было так, то можно было бы сказать, что убийство кого-либо не является аморальным, поскольку в случае его несовершения этого человека мог бы убить кто-то другой. Поэтому содействие кому-то в исполнении морально сомнительных намерений является само по себе аморальным актом, по крайней мере в тех случаях, когда оказывающий содействие человек осведомлен о подобных намерениях. Возможно, торговец оружием не несет ответственности, если он не знает о намерениях своих клиентов, а сексуальный партнер неверного супруга не несет ответственности, если не знает о браке или отношениях своего партнера. Но это касается не всех подобных случаев.

В отношении участия в заражении ВИЧ консенсуалисты могли бы возразить, что такое обязательство есть и является неприобретенным, но сам факт заражения ВИЧ делает этот половой акт изнасилованием. Здесь консенсуалисты могут апеллировать к концепции «секса по обману» [Dougherty 2013; Brogaard 2022]. Основная идея состоит в том, что нормативно значимое согласие должно быть информированным. Это значит, что человек, дающий согласие на сексуальное взаимодействие, должен быть осведомлен обо всех факторах, релевантных для принятия им решения о том,

намерен ли он дать согласие. ВИЧ-статус его партнера является одним из таких факторов. Поэтому если кто-то врет или скрывает информацию о своем ВИЧ-статусе, то согласие его партнера является недействительным, что делает их секс даже при наличии формального согласия морально подобным изнасилованию.

Однако это возражение касается не любых случаев заражения ВИЧ. Действительно, ВИЧ-положительный человек, если он заведомо знает о своем ВИЧ-статусе и скрывает его от потенциального партнера, совершает что-то морально подобное изнасилованию¹. Но даже в том случае, если его партнер осведомлен о ВИЧ-статусе и рисках его передачи, разве обязательство воздерживаться от сексуальной близости не сохраняется? Строгие консенсуалисты могли бы ответить, что в сексе с передачей ВИЧ нет ничего морально проблематичного, если обе стороны информированы о рисках и дают на них свое согласие. Но и этот ответ можно парировать с помощью контрпримера.

Представим оператора какого-то сложного механизма на опасном производстве. Когда он управляет этим сложным механизмом, нахождение в зоне его работы крайне небезопасно для любого человека. Но, допустим, один из коллег входит в зону работы механизма, когда тот включен. Будучи знакомым с этим механизмом, коллега оператора прекрасно осознаёт, что подвергает себя значительным рискам, но опрометчиво надеется, что ему повезет и ничего страшного не случится. Должен ли оператор механизма заглушить машину, чтобы минимизировать риски для находящегося в зоне работы коллеги? Кажется, в описанной ситуации выбор между продолжением работы механизма и его остановкой не является морально нейтральным. Вместо этого оператор машины несет обязательство остановить работу машины, чтобы минимизировать риски для его коллеги, даже если последний прекрасно осознавал все риски и добровольно принял их. Это не значит, что

¹ Это касается тех ситуаций, когда существуют риски передачи ВИЧ. При соблюдении мер предосторожности, таких как использование презерватива, до- или постконтактная профилактика или неопределяемая вирусная нагрузка у ВИЧ-положительного партнёра, риски передачи ВИЧ могут быть незначительны. Остаётся спорным, сохраняется ли в таком случае обязательство уведомлять потенциальных партнёров о своём ВИЧ-статусе. Здесь этот вопрос рассматриваться не будет.

последний не должен понести дисциплинарную ответственность за свое рискованное поведение, однако его согласие с рисками не является релевантным в определении того, обязан ли оператор машины защитить своего коллегу от рисков или нет.

Таким образом, и ВИЧ-положительный человек несет обязательство минимизировать риски для своего потенциального партнера, независимо от согласия последнего на эти риски. И в некоторых ситуациях это налагает на ВИЧ-положительного человека неприобретенное обязательство не вступать в сексуальную близость с кем-либо, даже если на такую близость получено информированное согласие. Что важно, так это то, что такое обязательство не является патерналистским, как могло бы показаться. Ведь в таком случае ограничению подлежит рискованное поведение не ВИЧ-отрицательного, а ВИЧ-положительного партнера. То есть ограничение касается не причинения вреда самому себе, как в ситуациях, на предотвращение которых направлен патернализм, а на причинение вреда кому-либо другому. Хотя в том случае, если люди несут обязательства перед самими собой, такие как обязанность содействовать собственному счастью (см.: [Kahn 2022]), то и ВИЧ-отрицательный партнер также несет неприобретенную обязанность не заниматься сексом с ВИЧ-положительными людьми.

Другой ответ, который мог бы дать консенсуалист, предполагает, что получение ВИЧ является действием, которое налагает на человека обязательство не участвовать в дальнейшей передаче ВИЧ. Поэтому указанное обязательство не является неприобретенным. Но здесь неприобретенность обязанности означает не то же самое, что и в обсуждении выше. Ведь ранее неприобретенность обязанности означала просто то, что человек не дает своего согласия на получение такой обязанности. Люди несут обязанность не насиловать других независимо от того, согласны ли они с получением этой обязанности или нет. Но в случае с супружеской изменой, как ее осуждают консенсуалисты, человек дает согласие на то, чтобы получить обязанность воздерживаться от измен. Однако даже если обязанность не участвовать в передаче ВИЧ является приобретенной в том смысле, что сам ВИЧ является приобретенным, это не говорит о том, что люди, заражаясь ВИЧ, соглашаются полу-

чить сопутствующую этому обязанность. В конце концов, люди часто заражаются ВИЧ, не давая на это согласия. В таком случае нельзя говорить, что люди добровольно соглашаются взять на себя обязанность не участвовать в дальнейших заражениях, а поэтому указанная обязанность остается неприобретенной в том смысле, что согласия человека не требуется для приписывания ему этого обязательства.

Следовательно, у нас есть веские основания предполагать, что иногда секс по взаимному согласию является нарушением моральных обязательств человека. Это подрывает консенсуализм, который отрицает наличие каких-либо неприобретенных моральных обязанностей, помимо обязательства не заниматься сексом без согласия. Но мы бы могли добавить к этому еще одно соображение. Как подмечает Дэвид Бенатар, изнасилование обычно не воспринимается аналогично любому другому принуждению к какой-то совместной приятной активности, такой как совместный ужин [Benatar 2002]. Изнасилование понимается как особый тип морального зла, превосходящий многие другие взаимодействия без согласия человека. И если бы дело было только в отсутствии согласия, то такое исключительное отношение не было бы оправданным. Аналогично и в случае измены можно сказать, что будь все дело в нарушении данного обещания, то измена была бы не более морально сомнительна, чем опоздание на встречу. Так что сам тот серьезный нормативный вес, который мы придаем таким сексуальным проступкам, показывает, что дело не только и не столько в отсутствии согласия или нарушении обещания.

Блага секса и новый естественный закон

Какая теория, если таковая есть, могла бы избежать трудностей как консенсуализма, так и традиционного подхода к сексуальной этике? Одной из доступных альтернатив является позиция нового естественного закона, каноничная формулировка которой принадлежит Джону Финнису [Финнис 2012]. Теоретики нового естественного закона, в противовес старому, не утверждают, что

моральный статус сексуальной активности каким-либо образом связан с естественной функцией половых органов. Вместо этого новый естественный закон утверждает, что моральный статус сексуальной активности зависит от того, направлена ли эта активность на какое-то объективное благо.

Общечеловеческие блага интуитивно самоочевидны, их объективная ценность — вопрос здравого смысла [Там же: 93–94]¹. Финнис относит к их перечню жизнь, знание, игру, эстетический опыт, дружбу, практическую разумность и религию [Там же: 119–123]. Позже Финнис добавил к этому перечню благо супружеских отношений [Finnis 2008]. Именно последнее, как считает Финнис, играет центральную роль в определении того, является ли та или иная сексуальная активность морально приемлемой. Роберт Джордж и Патрик Ли, развивая идеи Финниса, классифицировали самоинтеграцию как центральное благо, реализация которого определяет нормативный статус сексуальной активности [George, Lee 2014].

Хотя теоретики нового естественного закона и отвергают способ аргументации от естественных функций, их практические выводы мало отличаются от сторонников старого естественного закона. Для Финниса, Джорджа и Ли центральной особенностью брака является направленность на прокреацию, поэтому любые сексуальные акты без прокреативного потенциала являются для них аморальными. Джордж и Ли также уточняют, что благо самоинтеграции состоит в гармонизации своей ментальной и физической природы, включая гармонизацию намерений и естественных функций всех органов. За счет этого Джордж и Ли реабилитируют утверждение, что естественные функции играют роль в определении морального статуса сексуальных действий, поскольку гармонизация ментального и физического требует сообразовать свои намерения с реализацией естественных функций своих органов, включая и половые органы.

¹ Финнис признаёт, что отдельные люди будут отрицать ценность одного или нескольких благ из его списка. Вслед за Фомой Аквинским, Финнис утверждает, что признание ценности объективных благ требует практического опыта реализации этого блага в собственной жизни. Однако для тех, кто постиг ценность какого-либо блага через переживания реализации этого блага, рациональное сомнение в этой ценности невозможно и внутренне противоречиво.

Однако с момента возникновения нового естественного закона были предложены различные подходы, которые защищают более либеральные взгляды по сексуальным вопросам, чем позиции Финниса, Джорджа и Ли [Goldstein 2011; Johnston 2013; Chartier 2016; ср. Settegast 2018]. Один из способов либерализации нового естественного закона — признание того, что может существовать более чем одно благо, ради которых люди вступают в сексуальные взаимодействия. Даже если брак или размножение являются такими благами, это само по себе не значит, что люди не могут заниматься сексом ради совместного достижения благ дружбы, благополучия или даже физического удовольствия [Chappell 2000: 38–39]. Более того, самоинтеграция в том виде, как ее описывают Джордж и Ли, не может претендовать на статус объективного блага, потому что опирается на психологически неправдоподобное описание любых непрокреативных сексуальных актов как актов инструментализации собственного тела и отчуждения своей ментальной жизни от физической природы [Chartier 2007].

Таким образом, теория нового естественного закона может защищать более либеральный и плюралистичный подход к сексуальной этике, признавая множество благ, которые люди реализуют в ходе своей сексуальной активности. Однако общим моральным требованием к тому, чтобы та или иная активность являлась приемлемой, остается требование о том, чтобы все задействованные в этом лица рассматривали друг друга и поступали друг с другом как с равноправными и равноценными партнерами, чья совместная деятельность направлена на какое-то общее благо. Этот подход не предполагает, что согласие является единственной вещью, имеющей моральное значение для секса, хотя и придает согласию большой нормативный вес. Ведь невозможно рассматривать кого-то как равноправного и равноценного партнера, не заботясь о согласии с его стороны. Это оправдывает традиционные запреты в отношении изнасилования, педофилии, зоофилии и некрофилии.

Но взаимное согласие — это не все, что должно заботить людей, которые рассматривают секс как реализацию какого-то общего блага. Еще имеет значение и то, действительно ли секс позволяет достичь подлинного блага и не достигается ли это благо за счет

нанесения значительного вреда какому-то другому благу. Именно последнее обстоятельство позволяет вывести из нового естественного закона более широкий перечень обязательств в области сексуальной этики, пусть и не расширяя его до перечня, предусмотренного теорией старого естественного закона.

Изнасилование, например, является более серьезным моральным злом, чем другие типы принуждения к совместной приятной активности, потому что оно самым серьезным образом подрывает целый ряд объективных благ для жертвы, включая физическое и ментальное здоровье, автономию и свободу от страданий. Супружеская измена, даже если она позволяет неверному супругу и его партнеру достичь какого-то блага, достигает этого за счет серьезного повреждения блага дружбы и супружеских отношений. Секс по взаимному согласию, в результате которого происходит передача ВИЧ, подвергает серьезным рискам благо физического здоровья, а часто и автономии. Более того, мы могли бы продолжить этот ряд за счет и других примеров морально сомнительного, но согласованного секса. Например, включив сюда добровольную проституцию, поскольку последняя предполагает инструментализацию секс-работниц и за счет этого не может рассматриваться как в полной мере совместная деятельность равноправных и равноценных партнеров, направленная на общее благо.

Заключение

Как мы увидели, мейнстримная теория согласия сталкивается с рядом трудностей, пытаясь обосновать широко распространенные моральные интуиции по вопросам сексуальной этики. Для некоторых людей эти трудности являются причиной, по которой они отвергают теорию согласия в пользу более традиционного подхода старого естественного закона. Но, как мы показали, реставрация старого естественного закона не является необходимым шагом к решению проблем теории согласия. Вместо этого разработка современной теории нового естественного закона предлагает перспективный способ объяснить и обосновать позиции морального

здорового смысла без необходимости отстаивать консервативную сексуальную мораль.

Этот новый подход рассматривает вопросы сексуальности через призму тех объективных благ, на реализацию которых направлена сексуальная активность. Если сочетать такой ориентированный на благо критерий моральной приемлемости с плюралистичным взглядом на сами блага, то получившаяся теория обеспечивает здоровый баланс между теорией согласия и старым естественным законом. Потому что в таком случае приемлемость сексуальной активности не приравнивается к ее прокреативному потенциалу, но в то же самое время обеспечивает более широкий набор критериев морально неправильного секса, чем одно лишь согласие. Более тщательное рассмотрение сексуальных вопросов требует более детализированного перечня объективных благ, однако даже приведенного минималистичного отчета достаточно, чтобы судить о преимуществах этого подхода перед господствующей теорией согласия¹.

Литература

- Нозик Р.* Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008.
- Финнис Дж.* Естественное право и естественные права. М., 2012.
- Anderson E.A.* A Defense of the ‘Sterility Objection’ to the New Natural Lawyers’ Argument against Same-Sex Marriage // *Ethical Theory and Moral Practice*. Vol. 16. 2013. № 4. P. 759–775.
- Archard D.* *Sexual Consent*. Boulder: Westview Press, 1998.
- Arroyo C.* Natural Goodness, Sex, and the Perverted Faculty Argument // *Philosophy*. Vol. 97. 2022. № 1. P. 115–142.
- Benatar D.* Two Views of Sexual Ethics: Promiscuity, Pedophilia, and Rape // *Public Affairs Quarterly*. Vol. 16. 2002. P. 191–201.
- Blankschaen K.* Rethinking Same-Sex Sex in Natural Law Theory // *Journal of Applied Philosophy*. Vol. 37. 2020. № 3. P. 428–445.
- Brennan J., van der Vossen B.* The Myths of the Self-Ownership Thesis // Brennan J., van der Vossen B., Schmitz D. (eds.) *The Routledge Handbook of Libertarianism*. New York: Routledge, 2018. P. 199–211.

¹ Я благодарен Александру Разину, Гэри Шартье, Василию Устиненко, Кириллу Быкову и Фёдору Тихонову за комментарии и обсуждения, которые помогли улучшить прошлые версии этой статьи.

Brogaard B. Sex by Deception // Vargas M., Doris J.M. (eds.) Oxford Handbook of Moral Psychology. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 683–711.

Brown S.R. Naturalized Virtue Ethics and Same-Sex Love // Philosophy in the Contemporary World. Vol. 13. 2006. № 1. P. 41–47.

Chalmers H. Is Monogamy Morally Permissible? // Journal of Value Inquiry. Vol. 53. 2019. № 2. P. 225–241.

Chalmers H. Monogamy Unredeemed // Philosophia. Vol. 50. 2022. № 3. P. 1009–1034.

Chappell T. Natural Law Revived: Natural Law Theory and Contemporary Moral Philosophy // Biggar N., Black R. (eds.) The Revival of Natural Law: Philosophical, Theological and Ethical Responses to the Finnis – Grisez School. New York: Routledge, 2000. P. 29–52.

Chartier G. Public Practice, Private Law: An Essay on Love, Marriage, and the State. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

Chartier G. Self-Integration as a Basic Good: A Response to Chris Tollefsen // American Journal of Jurisprudence. Vol. 52. 2007. № 1. P. 293–296.

Christman J. The Myth of Property: Toward an Egalitarian Theory of Ownership. Oxford: Oxford University Press, 1995.

Dougherty T. Sex, Lies, and Consent // Ethics. Vol. 123. 2013. № 4. P. 717–744.

Dougherty T. Yes Means Yes: Consent as Communication // Philosophy & Public Affairs. Vol. 43. 2015. № 3. P. 224–253.

Feser E. In Defense of the Perverted Faculty Argument // Neo-Scholastic Essays. South Bend: St. Augustine Press, 2015. P. 378–413.

Finnis J.M. Marriage: A Basic and Exigent Good // The Monist. Vol. 91. 2008. № 3–4. P. 388–406.

Fried B.H. Left-Libertarianism: A Review Essay // Philosophy & Public Affairs. Vol. 32. 2003. № 1. P. 66–92.

George R.P., Lee P. Conjugal Union, What Marriage Is and Why It Matters. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

Goldstein J.D. New Natural Law Theory and the Grounds of Marriage // Social Theory and Practice. Vol. 37. 2011. № 3. P. 461–482.

Grunebaum J.O. Autonomous Ownership // Vallentyne P., Steiner H. (eds.) Left-Libertarianism and Its Critics: Contemporary Debate. London: Palgrave Publishing, 2000. P. 48–73.

Hsiao T. Consenting Adults, Sex, and Natural Law Theory // Philosophia. Vol. 44. 2016. № 2. P. 1–21.

Ichikawa J.J. Presupposition and Consent // Feminist Philosophy Quarterly. Vol. 6. 2020. № 4. P. 1–32.

Johnston R. Marriage and the Metaphysics of Bodily Union // Social Theory and Practice. Vol. 39. 2013. № 2. P. 288–312.

Kahn S.J.M. Kant and the Duty to Promote One's Own Happiness // Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy. Vol. 65. 2022. № 3. P. 1–12.

Kershner S. A Liberal Argument for Slavery // Journal of Social Philosophy. Vol. 34. 2003. № 4. P. 510–536.

Kirton A., McKeever N. Trust, Attachment, and Monogamy // Collins D., Jovanović I.V., Alfano M. (eds.) The Moral Psychology of Trust. Lanham: Lexington Books, 2023. P. 295–312.

Lippert-Rasmussen K. Against Self-Ownership: There Are No Fact-Insensitive Ownership Rights Over One's Body // Philosophy & Public Affairs. Vol. 36. 2008. № 1. P. 86–118.

Moen O.M., Sørlie A. The Ethics of Relationship Anarchy // Watson L., Chambers C., Earp B.D. (eds.) The Routledge Handbook of Philosophy of Sex and Sexuality. New York: Routledge, 2022.

Primoratz I. Sexual Morality: Is Consent Enough? // Ethical Theory and Moral Practice. Vol. 4. 2001. № 3. P. 201–218.

Russell D.C. Self-Ownership // Zwolinski M., Ferguson B. (eds.) The Routledge Companion to Libertarianism. New York: Routledge, 2022. P. 105–119.

Settegast S. Prostitution and the Good of Sex // Social Theory and Practice. Vol. 44. 2018. № 3. P. 377–403.

Sobel D. Backing Away from Libertarian Self-Ownership // Ethics. Vol. 123. 2012. № 1. P. 32–60.

Steiner H. An Essay on Rights. Oxford: Blackwell Publishing, 1994.

Vallentyne P., Steiner H., Otsuka M. Why Left-Libertarianism Is Not Incoherent, Indeterminate, or Irrelevant: A Reply to Fried // Philosophy & Public Affairs. Vol. 33. 2005. № 2. P. 201–215.

Wertheimer A. Consent to Sexual Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Woodard E. Bad Sex and Consent // Boonin D. (ed.) Handbook of Sexual Ethics. London: Palgrave, 2022. P. 301–324.

York K. Why Monogamy is Morally Permissible: A Defense of Some Common Justifications for Monogamy // Journal of Value Inquiry. Vol. 54. 2020. № 4. P. 539–552.